

Общее время выполнения работы — 240 минут (4 часа)

Задание 1. Представьте себя в роли исследователя-литературоведа, работающего над созданием словаря литературоведческих терминов. Вам предлагается начало словарной статьи. Закончите ее, стараясь раскрыть суть литературоведческого термина максимально полно, учитывая, какие признаки и свойства описываемого явления еще не отражены в статье, приводя необходимые примеры из теории и истории русской и мировой литературы. *Рекомендуемый объем словарной статьи — 4—6 предложений.*

Интрига (лат. *intrico* — запутываю) — сложный и напряженный узел событий и взаимоотношений персонажей, обеспечивающий развитие сюжета литературного произведения. Интриге как основе сюжета присущи.....

Количество баллов: 15.

Задание 2. Прочитайте фрагмент статьи Ю.М. Лотмана «Идейная структура "Капитанской дочки"». Напишите письмо — ответ исследователю, обосновывая свое отношение к его позиции. *Рекомендуемый объем письма — 6—8 предложений.*

«Быт Гринева, воспитание героя даются сквозь призму ассоциаций с бытом фонвизинских героев. Однако резкая сатиричность образов Фонвизина смягчена. Перед нами — рассказ вызывающего сочувствие читателей героя о своем детстве. Фонвизинские отзвуки воспринимаются не как сатирическое изображение уродства неразумной жизни плохих помещиков, а как воссоздание *характерного* в дворянском быту XVIII в. <...> "Простаковский" быт Гриневых не снимает их связи с лучшими традициями дворянской культуры XVIII в. и их порождением — чувством долга, чести и человеческого достоинства. Не случайно "дворянский" пласт повести пронизан отзвуками и ассоциациями, воскрешающими атмосферу русской дворянской литературы XVIII в. с ее культом долга, чести и человечности» (Ю.М. Лотман. Идейная структура «Капитанской дочки»).

Количество баллов: 15.

Задание 3. Представьте себя в роли составителя сборника избранных произведений «"У природы нет плохой погоды..." Времена года в русской литературе». Укажите имена авторов и названия произведений (поэтических или прозаических), которые вы включили бы в этот сборник; кратко обоснуйте свой выбор. Напишите небольшую вступительную заметку «К читателю», которая могла бы предварять сборник. *Рекомендуемый объем вступительной статьи — 8—10 предложений.*

Количество баллов: 15.

Задание 4. Дайте полный развернутый анализ предложенного поэтического текста.

Выполните **Задание 4** в форме СВЯЗНОГО текста, ИНТЕРПРЕТИРУЯ произведение с опорой на его АНАЛИЗ, с учетом известных вам фактов ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ.

ПОПУГАЙ

По клетке, шкафами задвинутой,
Где книги в пыли вековой,
Взъерошенный, всеми покинутый,
Он бегаёт вниз головой.

Чудак с потускневшими перьями!
Чудит, а под веками — грусть.
Язык истребленного племени
Он знает почти наизусть.

Язык, за которым ученые
Спускаются в недра веков,
Где спят города, занесенные
Золой раскаленных песков...

Язык, что плетьюми виноградными
Петляет по плитам гробниц
И хвостиками непонятными
Виляет с разбитых таблиц.

Прекрасный язык — но забылся он,
Забылся, навеки уснув.
Огромный — но весь поместился он,
Как семечко, в маленький клюв.

Привык попугай разбазаривать
Бесценную ношу в тоске,
С собою самим разговаривать
На умершем языке,

В кольце кувыраться стремительно,
Вниманья не видеть ни в ком,
И сверху смотреть снисходительно,
Когда назовут дураком.

Н. Матвеева, 1959

Количество баллов: 30.

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГАОУ ВПО «Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта»
Олимпиада школьников «Будущее с нами» 2014-2015 уч.г.

Задания очного этапа

Литература

9 класс

II тур

Общее время выполнения работы — 240 минут (4 часа)

Задание. Напишите краткое литературоведческое исследование на тему «**Художественный мир русской элегии XIX века**». Используйте при построении собственной научной концепции предложенные тексты, а также самостоятельно выбранные примеры.

Количество баллов: 35.

ВЕЧЕР

Элегия

Ручей, виющий по светлому песку,
Как тихая твоя гармония приятна!
С каким сверканием катишься ты в реку!
Приди, о Муза благодатна,

В венке из юных роз с цевницею златой;
Склонись задумчиво на пенные воды
И, звуки оживив, туманный вечер пой
На лоне дремлющей природы.

Как солнца за горой пленителен закат,-
Когда поля в тени, а рощи отдаленны
И в зеркале воды колеблющийся град
Багряным блеском озаренны;

Когда с холмов золотых стада бегут к реке
И рева гул гремит звучнее над водами;
И, сети склав, рыбак на легком челноке
Плывет у берега меж кустами;

Когда пловцы шумят, окликаясь по стругам,
И веслами струи согласно рассекают;
И, плуги обратив, по глыбистым браздам
С полей оратаи съезжают...

Уж вечер... облаков померкнули края,
Последний луч зари на башнях умирает;
Последняя в реке блестящая струя
С потухшим небом угасает.

Все тихо: рощи спят; в окрестности покой;

Простершись на траве под ивой наклоненной,
Внимаю, как журчит, сливаясь с рекой,
Поток, кустами осененный.

Как слит с прохладой растений фимиам!
Как сладко в тишине у берега струй плесканье!
Как тихо веянье зефира по водам
И гибкой ивы трепетанье!

Чуть слышно над ручьем колышется тростник;
Глас петела вдали уснувши будит селы;
В траве коростеля я слышу дикий крик,
В лесу стенанье филомелы...

Но что?.. Какой вдали мелькнул волшебный луч?
Восточных облаков хребты воспламенились;
Осыпан искрами во тьме журчащий ключ;
В реке дубравы отразились.

Луны ущербный лик встает из-за холмов...
О тихое небес задумчивых светило,
Как зыблется твой блеск на сумраке лесов!
Как бледно брег ты озлатило!

Сижу задумавшись; в душе моей мечты;
К протекшим временам лечу воспоминаньем...
О дней моих весна, как быстро скрылась ты
С твоим блаженством и страданьем!

Где вы, мои друзья, вы, спутники мои?
Ужели никогда не зреть соединенья?
Ужель иссякнули всех радостей струи?
О вы, погибши наслажденья!

О братья! о друзья! где наш священный круг?
Где песни пламенны и музам и свободе?
Где Вакховы пиры при шуме зимних вьюг?
Где клятвы, данные природе,

Хранить с огнем души нетленность братских уз?
И где же вы, друзья?.. Иль всяк своей тропкою,
Лишенный спутников, влача сомнений груз,
Разочарованный душою,
Тащиться осужден до бездны гробовой?..
Один — минутный цвет — почил, и непробудно,
И гроб безвременный любовь кропит слезой.
Другой... о небо правосудно!..

А мы... ужель дерзнем друг другу чужды быть?
Ужель красавиц взор, иль почестей исканье,
Иль суетная честь приятным в свете слыть
Загладят в сердце воспоминанье

О радостях души, о счастье юных дней,
И дружбе, и любви, и музам посвященных?
Нет, нет! пусть всяк идет вослед судьбе своей,
Но в сердце любит незабвенных...

Мне рок судил: брести неведомой стезей,
Быть другом мирных сел, любить красы природы,
Дышать под сумраком дубравной тишиной
И, взор склонив на пенны воды,

Творца, друзей, любовь и счастье воспевать.
О песни, чистый плод невинности сердечной!
Блажен, кому дано цевницей оживлять
Часы сей жизни скоротечной!

Кто, в тихий утра час, когда туманный дым
Ложится по полям и холмы облачает
И солнце, восходя, по рощам голубым
Спокойно блеск свой разливают,

Спешит, восторженный, оставя сельский кров,
В дубраве упредить пернатых пробужденье
И, лиру соглася с свирелью пастухов,
Поет светила возрожденье!

Так, петь есть мой удел... но долго ль?.. Как узнать?..
Ах! скоро, может быть, с Минваною унылой
Придет сюда Альпин в час вечера мечтать
Над тихой юноши могилой!

В. Жуковский, 1806

МОРЕ Элегия

Безмолвное море, лазурное море,
Стою очарован над бездной твоей.
Ты живо; ты дышишь; смятенной любовью,
Тревожную думой наполнено ты.
Безмолвное море, лазурное море,
Открой мне глубокую тайну твою.
Что движет твое необъятное лоно?
Чем дышит твоя напряженная грудь?
Иль тянет тебя из земныя неволи
Далекое, светлое небо к себе?..
Таинственной, сладостной полное жизни,
Ты чисто в присутствии чистом его:
Ты льешься его светозарной лазурью,
Вечерним и утренним светом горишь,
Ласкаешь его облака золотые
И радостно блещешь звездами его.
Когда же собираются темные тучи,
Чтоб ясное небо отнять у тебя —
Ты бьешься, ты воешь, ты волны подьемлешь,
Ты рвешь и терзаешь враждебную мглу...
И мгла исчезает, и тучи уходят,
Но, полное прошлой тревоги своей,
Ты долго вздымаешь испуганны волны,
И сладостный блеск возвращенных небес
Не вовсе тебе тишину возвращает;
Обманчив твоей неподвижности вид:
Ты в бездне покойной скрываешь смятенье,
Ты, небом любуясь, дрожишь за него.

В. Жуковский, 1822

НАДЕЖДА

Мой дух! доверенность к Творцу!
Мужайся; будь в терпении камень.
Не Он ли к лучшему концу
Меня провел сквозь бранный пламень?
На поле смерти, чья рука
Меня таинственно спасала,
И жадный крови меч врага,
И град свинцовый отражала?
Кто, кто мне силу дал сносить
Труды и глад и непогоду,
И силу, в бедстве сохранить
Души возвышенной свободу?
Кто вел меня от юных дней
К добру, стезею потаенной,
И в буре пламенных страстей
Мой был Вожатай неизменной?

Он! Он! Его все дар благой!
Он есть источник чувств высоких,
Любви к изящному прямой,
И мыслей чистых и глубоких!
Все дар его, и краше всех
Даров, Надежда лучшей жизни!
Когда ж узрю спокойный брег,
Страну желанную отчизны?
Когда струей небесных благ
Я уголю любви желанье,
Земную ризу брошу в прах
И обновлю существованье?

К. Батюшков, 1815

К Д<АШКО>ВУ

Мой друг! я видел море зла
И неба мстительного кары;
Врагов неистовых дела,
Войну и гибельны пожары.
Я видел сонмы богачей,
Бегущих в рубищах издранных;
Я видел бледных матерей,
Из милой родины изгнанных!
Я на распутье видел их,
Как, к персям чад прижав грудных,
Они в отчаяньи рыдали,
И с новым трепетом взирали
На небо рдяное кругом.
Трикраты с ужасом потом
Бродил в Москве опустошенной,
Среди развалин и могил;
Трикраты прах ее священной
Слезами скорби омочил.
И там — где зданья величавы
И башни древние Царей,
Свидетели протекшей славы
И новой славы наших дней;
И там — где с миром почивали
Останки иноков святых,
И мимо веки протекали,
Святыни не касаясь их;
И там, — где роскоши рукою,
Дней мира и трудов плоды,
Пред златоглавою Москвою
Воздвиглись храмы и сады; —
Лишь угли, прах и камней горы,
Лишь груды тел кругом реки,
Лишь нищих бледные полки
Везде мои встречали взоры!..
А ты, мой друг, товарищ мой,
Велишь мне петь любовь и радость,
Беспечность, счастье и покой
И шумную за чашей младость!
Среди военных непогод,
При страшном зареве столицы,
На голос мирных цевницы
Сзывать пастушек в хоровод!
Мне петь коварные забавы
Армид и ветреных Цирцей
Среди могил моих друзей,
Утраченных на поле славы!..
Нет, нет! талант погибни мой
И лира, дружбе драгоценна,

Когда ты будешь мной забвенна,
Москва, отчизны край златой!
Нет, нет! пока на поле чести
За древний град моих отцов
Не понесу я в жертву мести
И жизнь и к родине любовь;
Пока с израненным героем,
Кому известен к славе путь,
Три раза не поставлю грудь
Перед врагов сомкнутым строем —
Мой друг, дотоле будут мне
Все чужды Музы и Хариты,
Венки, рукой любви свиты,
И радость шумная в вине!

К. Батюшков, 1813

ЭЛЕГИЯ

Нет, не бывать тому, что было прежде!
Что в счастье мне? Мертва душа моя!
«Надейся, друг!» — оказали мне друзья:
Не поздно ли верить мне надежде,
Когда желать почти не в силах я?
Я бременюсь нескромным их участием,
И с каждым днем я верой к ним бедней.
Что в пустоте несвязных их речей?
Давным-давно простился я со счастьем,
Желательным слепой душе моей!
Лишь вслед ему с унылым сладострастьем
Гляжу я вдаль моих минувших дней.
Так, нежный друг, в бесчувственном забвеньи,
Еще глядит на зыби синих волн,
На влажный путь, где в темном отдаленьи
Давно исчез отбивший дружный чёлн.

Е. Баратынский, 1821

ДВЕ ДОЛИ

Дало две доли провидение
На выбор мудрости людской:
Или надежду и волнение,
Иль безнадежность и покой.
Верь тот надежде обольщающей,
Кто бодр неопытным умом,
Лишь по молве разновещающей
С судьбой насмешливой знаком.
Надейтесь, юноши кипящие!
Летите: крылья вам даны;
Для вас и замыслы блестящие,
И сердца пламенные сны!
Но вы, судьбину испытавшие,
Тщету утех, печали власть,
Вы знание бытия приявшие,
Себе на тягостную часть!
Гоните прочь их рой прельстительный;
Так! доживайте жизнь в тиши
И берегите хлад спасительный
Своей бездейственной души.
Своим бесчувствием блаженные,
Как группы мертвых из гробов,
Волхва словами пробужденные,
Встают со скрежетом зубов,
Так вы, согрев в душе желанья,
Безумно вдавшись в их обман,

Проснетесь только для страдания,
Для боли новой прежних ран.
Е. Баратынский, 1823

ЭЛЕГИЯ

Свободы гордой вдохновенье!
Тебя не слушает народ:
Оно молчит, святое мщенье,
И на царя не восстаёт.

Пред адской силой самовластья,
Покорны вечному ярму,
Сердца не чувствуют несчастья
И ум не верует уму.

Я видел рабскую Россию:
Перед святыней алтаря,
Гремя цепями, склонивши выю,
Она молилась за царя.
Н. Языков, 1824

ЭЛЕГИЯ

И тесно и душно мне в области гор —
В глубоких вертепах, в гранитных лощинах;
Я вырос на светлых холмах и равнинах,
Привык побродить, разгуляться мой взор;
Мне своды небес чтоб высоко, высоко
Сияли открыты — туда и сюда,
По краю небес чтоб тянулась гряда
Лесистых пригорков, синясь далеко,
Далеко; там дышит свободнее грудь!
А горы да горы... они так и давят
Мне душу, суровые: словно заставят
Они мне желанный на родину путь!
Н. Языков, 1843

ЭЛЕГИЯ

Дробись, дробись, волна ночная,
И пеной орошай брега в туманной мгле.
Я здесь стою близ моря на скале;
Стою, задумчивость питаю.
Один; покинув свет, и чуждый для людей,
И никому тоски поверить не желая.
Вблизи меня палатки рыбарей;
Меж них блестит огонь гостеприимный,
Семья беспечная сидит вокруг огонька;
И, внемля повесть старика,
Себе готовит ужин дымный!
Но я далек от счастья их душой,
Я помню блеск обманчивой столицы,
Веселий пагубных невозвратимый рой.
И что ж? — слеза бежит с ресницы.
И сожаление мою тревожит грудь,
Года погибшие являются всечасно;
И этот взор, задумчивый и ясный —
Твержу, твержу душе: забудь.
Он все передо мной: я все твержу напрасно!..
О если б я в сем месте был рожден,
Где не живет среди людей коварность: —
Как много бы я был судьбою одолжен —
— Теперь у ней нет прав на благодарность!
Как жалок тот, чья младость принесла
Морщину лишнюю для старого чела,

И отобрав все милые желанья,
Одно печальное раскаянье дала;
Кто чувствовал как я — чтоб чувствовать страданья,
Кто рано свет узнал — и с страшной пустотой
Как я оставил брег земли своей родной
Для добровольного изгнанья!

М. Лермонтов, 1830

ЭЛЕГИЯ

Когда, душа, просилась ты
Погибнуть иль любить,
Когда желанья и мечты
К тебе теснились жить,
Когда еще я не пил слез
Из чаши бытия, —
Зачем тогда, в венке из роз,
К теням не отбыл я!
Зачем вы начертались так
На памяти моей,
Единый молодости знак,
Вы, песни прошлых дней!
Я горько долы и леса
И милый взгляд забыл, —
Зачем же ваши голоса
Мне слух мой сохранил!
Не возвратите счастья мне,
Хоть дышит в вас оно!
С ним в промелькнувшей старине
Простился я давно.
Не нарушайте ж, я молю,
Вы сна души моей
И слова страшного «люблю»
Не повторяйте ей!

А. Дельвиг, 1821

ЭЛЕГИЯ

Безумных лет угасшее веселье
Мне тяжело, как смутное похмелье.
Но, как вино — печаль минувших дней
В моей душе чем старе, тем сильней.
Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе
Грядущего волнуемое море.
Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать;
И ведаю, мне будут наслажденья
Меж горестей, забот и треволненья:
Порой опять гармонией упьюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь,
И может быть — на мой закат печальный
Блеснет любовь улыбкою прощальной.

А. Пушкин, 1830

* * *

Я пережил свои желанья,
Я разлюбил свои мечты;
Остались мне одни страданья,
Плоды сердечной пустоты.
Под бурями судьбы жестокой
Увял цветущий мой венец —
Живу печальный, одинокой,
И жду: придет ли мой конец?
Так, поздним хладом пораженный,

Как бури слышен зимний свист,
Один — на ветке обнаженной
Трепещет запоздалый лист!...

А. Пушкин, 1821

ЭЛЕГИЯ

Пускай нам говорит изменчивая мода,
Что тема старая «страдания народа»
И что поэзия забыть ее должна.
Не верьте, юноши! не стареет она.
О, если бы ее могли состарить годы!
Процвел бы божий мир!... Увы! пока народы
Влачатся в нищете, покорствуя бичам,
Как тощие стада по скошенным лугам,
Оплакивать их рок, служить им будет муза,
И в мире нет прочней, прекраснее союза!...
Толпе напоминать, что бедствует народ,
В то время, как она ликует и поет,
К народу возбуждать вниманье сильных мира —
Чему достойнее служить могла бы лира?...
Я лиру посвятил народу своему.
Быть может, я умру неведомый ему,
Но я ему служил — и сердцем я спокоен...
Пускай наносит вред врагу не каждый воин,
Но каждый в бой иди! А бой решит судьба...
Я видел красный день: в России нет раба!
И слезы сладкие я пролил в умиление...
«Довольно ликовать в наивном увлеченье, —
Шепнула Муза мне. — Пора идти вперед:
Народ освобожден, но счастлив ли народ?..
Внимаю ль песни жниц над жатвой золотою,
Старик ли медленный шагает за сохою,
Бежит ли по лугу, играя и свистя,
С отцовским завтраком довольное дитя,
Сверкают ли серпы, звенят ли дружно косы —
Ответа я ищу на тайные вопросы,
Кипящие в уме: «В последние года
Сносней ли стала ты, крестьянская страда?
И рабству долготу пришедшая на смену
Свобода наконец внесла ли перемену
В народные судьбы? в напевы сельских дев?
Иль так же горестен нестройный их напев?..»
Уж вечер настает. Волнуемый мечтами,
По нивам, по лугам, уставленным стогами,
Задумчиво брожу в прохладной полутьме,
И песнь сама собой слагается в уме,
Недавних, тайных дум живое воплощенье:
На сельские труды зову благословенье,
Народному врагу проклятия сулю,
А другу у небес могущества молю,
И песнь моя громка!.. Ей вторят доли, нивы,
И эхо дальних гор ей шлет свои отзвуки,
И лес откликнулся... Природа внемлет мне,
Но тот, о ком пою в вечерней тишине,
Кому посвящены мечтания поэта,
Увы! не внемлет он — и не дает ответа...

Н. Некрасов, 1874